Г.И. Королёв, д.и.н., Москва

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЛАДИМИРСКОГО ГЕРБА

(см. илл. на 7-й стр. цв. вкладки и 4-й стр. обложки)

Утвержденный 16 августа 1781 г. владимирский герб происходит от герба, изображённого в Титулярнике 1672 г. В начале XX в. возник вопрос о более раннем появлении владимирского знака.

В 1914. г. в статье об одном церковном памятнике А.И. Соболевский описал орнамент, «в состав которого входит зверь (вроде леопарда) с высоко поднятым хвостом». Сославшись на другие подобные элементы декора на памятниках Владимирской земли, Соболевский сделал вывод: «Позволительно предполагать, что изображение этого зверя, часто напоминающего зверя так называемых сассанидских предметов, было родовым знаком суздальско-ростовских князей, начиная с Андрея Боголюбского»[1]. Никаких обоснований предположению Соболевский не представил.

Мысль Соболевского развил А.И. Некрасов. Сначала, в записках об осмотре памятников Владимирской губернии, он дважды охарактеризовал барельефных львов суздальского собора 1-ой четверти XIII в. как геральдические изображения, но не указывая их принадлежность светской власти[2]. В той же статье историк остановился на изображении св. Георгия со щитом со зверем в числе рельефов Георгиевской церкви в Юрьеве-Польском. Это изображение было опубликовано в 1915 г. С. Фраткиным, увидевшим в звере дракона с хвостом как у льва и без крыльев, представлявшего собой «соединение с формами льва»[3]. По мнению Фраткина «изображение дракона имеет как бы значение герба на щите»[4]. Чьим этот «как бы герб» был, Фраткин не сказал. Саму фигуру он истолковал как атрибут святого, напоминающий о его победе над змием.

Однако на чётком снимке при статье изображен зверь, совершенно не похожий на дракона. Представление о драконе возникло явно под влиянием жития и других изображений с «чудом о змие». Некрасов же увидел в звере представителя семейства кошек - «бегущего барса». Следуя за Соболевским, Некрасов объяснил, что князь Святослав Ростиславич, построивший собор, «внес изображение родового герба на щит святого»[5]. Собор строили в 1230-1234 гг. Следовательно, до мысли Некрасова, родовой герб к этим годам уже существовал.

В 1928 г. свет увидела специальная статья Некрасова, в которой доказывалось существование герба «суздальских князей» (в смысле «владимиро-суздальских»)[6]. Некрасов использовал два источника – упомянутое изображение Георгия и иллюстрацию в Фёдоровском евангелии из Ярославского государственного музея, представляющую Феодора Стратилата (1-я четверть XIV). На щитах обоих святых помещён один и тот же зверь,

названный Некрасовым «бегущим леопардом или барсом». По мнению исследователя Георгий должен был напоминать о деде храмоздателя Юрии Долгоруком, а Феодор – об отце ярославского князя, для которого была изготовлена книга.

Оба зверя были истолкованы как один и тот же герб князей «суздальского рода». Древнейшим изображением этого герба Некрасов считал «кошачьи маски» (головы впрямь) на церкви в Боголюбове 1156 г.[7]. По Некрасову зверь бежал. Точнее было бы написать «бегущий вверх по боковой линии щита». Правильным же было бы именование зверя восстающим. Выводы статьи 1928 г. Некрасов повторил в других работах, ничего к содержанию не прибавляя[8].

В работе 1944 г. А.В. Арциховский истолковал фигуру побиваемого воином льва на одной миниатюре в Радзивиллоской летописи (XV в.) «в свете работы А.И. Некрасова о гербе суздальских князей» как герб, символизирующий поражение Юрия Долгорукого от брата Ярополка в их междуусобице 1135 г. И далее он пишет: «Это тот самый лев, который сохранился до XX в. на гербе города Владимира, вотчины наследников Юрия»[9]. В статье 1946 г. Арциховский рассмотрел «владимирский герб» подробнее[10]. Арциховский упрекнул Соболевского и Некрасова в напрасном употреблении термина «леопард», будто бы неизвестного Древней Руси[11]. При этом Арциховский писал о «леопарде» в геральдическом смысле (/шествующим лев). Соболевский и Некрасов употребляли слова «леопард» и «барс» определённо не в этом значении, но как названия реального животного. Толкование Арциховского о леопарде есть пример того, как механически переносимые в русскую словесность некоторыми гербоведами архаические, возникшие в средние века, французские термины вносят сумятицу. Если же не обращать внимания на проведённое Арциховским различие между «леопардом» и «львом», то его идентификация зверя со львом правильна. Гербовед указал на «слегка намеченную» гриву зверя на щите Феодора Стратилата, чего не замечали его предшественники. Впрочем, сам Арциховский не обратил внимание на кисточку на конце хвоста зверя на щитах обоих святых[12]. Намётка гривы несколько напоминает чётко обозначенную гриву льва на вратах суздальского Рождественского собора 1230-1233 гг.[13].

Вторую после Некрасова специальную статью по теме написал Г.К. Вагнер[14]. Подобно предыдущим авторам Вагнер доказывал существование владимиро-суздальского герба, фигуру которого он называл львом. Новый содержательный элемент в этой работе состоит в идее замены трезубца символом, подчёркивающим сильную княжескую власть. В процессе смены символов Вагнер видел эволюцию. По его мнению, сначала возник комплекс образов, «носящих черты избранности (лев, орел, грифон, барс кентавр и т.п.)». Затем из этого комплекса выделился барс, который был «конкретизирован образом льва, так как изображения льва и барса в древней геральдике различались только по положению фигур»[15]. «Выделение» и «конкретизация» образов не датированы. И Вагнер внёс ненуж-

ное усложнение в свои соображения формально-геральдическим толкованием о разнице между львом и «леопардом». Последнего, однако, он назвал барсом. Фигуры с «чертами избранности» Вагнер нашёл в архитектурных деталях церквей Владимирской земли.

Ряд авторов просто повторили изложенные выше выводы о гербе во Владимиро-Суздальской Руси, склоняясь то ко льву[16], то к барсу[17]. Нумизмат Г.Б. Фёдоров в своей статье о деньгах Московского государства некоторые монеты Василия I связал с памятниками Владимирской земли на основании того, что увиденный им барс был, по его мнению, знаком великих князей Владимирских[18]. Подобным образом, но только льва, изображённого на псковских монетах XV в. и зверя на псковской печати «после 1509 г.», с владимирским титулом связал С.В. Белецкий[19].'

Сомнение в «родовом знаке в виде изображения льва или леопарда», существовавшем в XII-XIII вв. и затем исчезнувшем «неизвестно когда», высказал Н.П. Лихачёв»[20]. Никаких обоснований своему сомнению Лихачёв не привёл, ограничившись замечанием о не скором образовании гербов родовых «даже» на Западе. Лихачёву возразил Арциховский, написавший, что лев не исчез, но остался в «гербе Владимира», однако из источников после Фёдоровского евангелия он смог назвать только Титулярник 1672 г.

Рассмотрим источники, использованные моими предшественниками. Мысль об эмблеме владимирских князей возникла при изучении резьбы по камню на ряде соборов Владимирской земли. Рельефы представляют святых, реальных и фантастических животных, растительный орнамент.

Львы, барсы, орлы, грифоны и т.д. существа были широко распространены в древнерусском искусстве – в архитектуре, книжной иллюстрации и в других отраслях. Зверей изображали и как просто украшения, и с символическим значением. Естественно, украшение и символ не противоречили друг другу. Выделить льва или барса в качестве герба из вереницы изображений можно лишь по определённым признакам. В комплексах рельефов эти фигуры никак не выделены. Мои предшественники критериев узнавания в барсах и львах гербов не назвали. Мысль Вагнера о стремлении владимирских князей подчеркнуть свою власть величиной и богатством их декора верна, но носит умозрительный, субъективный характер, ибо ничем не подкрепляется, в отношении льва – герба.

Более существенными на первый взгляд свидетельствами в пользу герба являются изображения воинов, причисленных к святым, - Георгия Победоносца и Феодора Стратилата. Их щиты носят вполне гербовидный характер. Некрасов думал, что Георгия изобразили в память о Юрии Долгоруком. Историк не учёл часто замечаемого обычая изображать на церкви того, во имя кого она названа. Это может быть икона, а в интересующем нас случае резьба по камню. Вероятность такого значения образа Георгия на Георгиевской церкви много выше предположенного Некрасовым, поскольку, исходя из обычая, доказательств особенно и не требует. Доказательств, указания признаков более несомненных, чем слова Некрасова, требует трактовка Георгия как напоминания о князе, жившем значительно

раньше времени построения церкви. Конечно, в юрьев-польском георгиевском случае имена первого храмоздателя и святого на новом здании совпадают. Первому собору Юрий Долгорукий дал название по своему имени. Второй собор воспринял название первого и только. Основания считать, что второй собор был назван его строителем в память деда, нет.

Книжная иллюстрация с Феодором Стратилатом, по мнению Некрасова, была написана в память о Фёдоре Ростиславиче Чёрном, отце ярославского князя Давида. Это вполне реалистическое объяснение. Называние имени путём изображения соименного святого было обычной практикой в XII-XIV вв., что хорошо показывают изображения на печатях.

Вопрос о значении изображений на щитах упомянутых двух святых. Кого бы или что бы ни называли Феодор и Георгий, мы имеем дело не с портретами князей, а с изображениями святых в их собственном качестве. Поэтому следует ожидать в первую очередь, что атрибуты, приданные святым, именно к ним относятся. Святые из числа воинов изображались с признаками принадлежности к воинскому сословию. Феодор и Георгий изображены в броне, с копьём, мечом и щитом. Это их признаки. Почему же на их щитах помещён не их признак? Видимо, чувствуя возможность недоумения по поводу предполагаемой светском эмблемы на щите святого, Некрасов сослался на скульптуру XI в., представлявшую Ярослава Мудрого с «чертами священного лица». Вывод Некрасова был: «Смешение священного изображения с атрибутами земного значения и власти» не должно смущать[21]. Но одно дело черты стиля, присущие изобразительному искусству определённого периода, обнаруженных в портретах лиц разного статуса, и другое дело – содержание. Зверь на щитах есть содержание.

В Древней Руси щиты святых изображали трояким образом. Круглый щит чаще всего изображали поставленным к ноге ребром к зрителю. Зритель видел это ребро и выпуклость щита. На этой видимой поверхности всегда была кайма, служившая украшением. На вершине выпуклости иногда изображали человеческую личину. От сей вершины (умбона) к кайме тянулись «лепестки», образовывавшие розетку. Неясно, понимать ли изображение средней части щита как розетку иди как солнце. На печатях встречается изображение круглого щита у плеча. Иногда круглый щит закинут за спину воина и виден из-за его плеча. Миндалевидный, как его называют историки искусства, щит всегда изображали всей поверхностью к зрителю. На круглых щитах, взятых за спину, и на миндалевидных щитах иногда помещали только орнамент, причём подчас только на кайме, а иногда – фигуры, имевшие символическое значение.

Символическое значение имели три фигуры, первая фигура есть крест. Он мог быть и прямой, и косой, иметь разное количество концов. Разнообразие форм крестов на щитах святых представлено на печатях[22]. Святые с крестами на щитах есть и среди рельефных изображений на церквах во Владимирской земле[23]. Опубликована миниатюра со св. Екатериной, на платье которой изображён щит с восьмиконечным крестом[24]. Постижение смысла креста напряжения мысли не требует: это символ Христа и христианства.

Другой эмблемой на щитах воинов-святых было Солнце. Для примера сошлюсь на новгородскую икону конца XV – начала XVI в. со св. Георгием, поражающим змия. Солнце на щите воина изображено с ликом и лучами лепесткообразной формы[25]. Солнце тоже есть символ Христа и христианства. Это подтверждается словами Апокалипсиса, где о лике Христа сказано, что он «как солнце, сияющее в силе своей» (Апок. I, 16). Там же христианская церковь изображена в виде «жены, облеченной в солнце» (XIII, 1). Евангелие от Матфея предрекает: «Тогда праведники воссияют, как Солнце, в царстве Отца их» (Мф. XIII, 43).

Третья эмблема, лев, часто упоминается в разных контекстах в Ветхом завете как символ силы. Например, есть такая метафора: «Лев начал рыкать, – кто не содрогнется? Господь Бог сказал – кто не будет пророчествовать?» (Ам. III, 8). Согласно Апокалипсису из четырёх многоглазых шестикрылых животных вокруг небесного престола одно «было подобно льву» (Апок. IV, 7). Все они взывали «свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, который был, есть и грядет» (IV, 8).

В религиозной словесной символике все три образа на щитах имеют один смысл, помимо общего значения они являются знаками поборников за дело Христа в лице владельцев щитов. Это атрибуты конкретных святых. При этом одна и та же фигура могла быть помещена на щитах разных святых. Разница между фигурами состояла в акцентах, но не в сути символики. Лев подчёркивал силу святых и их твёрдость в вере. Кстати, такой же, как на щитах Георгия и Феодора из Владимирской земли, лев изображен на щите Димитрия Солуньского на византийской иконе XIV в.[26]. В поле зрения моих предшественников не попала икона из Владимирской земли середины XVI в. с образом Феодора Стратилата, за спиной которого виден круглый щит с сидящим львом[27].

Лев, в силу обычая придавать святым атрибуты, особых доказательств атрибутивности не требует. Доказательств требуют утверждения об иной светской образности льва на щитах святых. Таких доказательств не было.

К третьему разряду источников относятся одна иллюстрация в Радзивилловской летописи, использованная Арциховским. На картинке изображено сражение. Помимо ратей на рисунке есть фигура воина, замахнувшегося на сидящего с поджатым хвостом льва. Исходя из уже сложившейся концепции владимирского герба, Арциховский истолковал льва как «геральдический символ Юрия Долгорукого»[28]. В описании миниатюры новейшие публикаторы назвали льва «аллегорическим изображением герба Долгоруких»[29]. Летопись повествует о битве, а не об охоте и, сообразно тому, льва действительно следует понимать как аллегорию потерпевшего поражение князя. Но в кодексе имеются ещё 6 подобных аллегорий, о которых, кстати, Арциховский не упомянул. Так, на двух рисунках со сценами победы русского войска над половцами в 1112 г. изображены змея, поражаемая русским воином, и собака, убегающая от русского князя; в сцене похода волынцев на ятвягов в 1113 г. есть медведь, боязливо оглядывающийся на князя[30]. Если льва считать гербом, то, согласно, логике, ана-

логичные фигуры тоже следует понимать как гербы. Т.е. медведя трактовать гербом ятвягов, живших сельскими общинами и не имевшими государства, а у кочевников половцев видеть аж два герба. Во всех семи рассматриваемых миниатюрах Радзивилловской летописи фигуры животных легко раскрываются как аллегории конкретных событий. Художник выразил темы миниатюр двумя способами – изображением событий в деталях (наступающее войско и т.д.) и в аллегорическом обобщении. Если гербом считать только льва, то возникает вопрос о критериях отличия сего знака от прочих фигур, оказывающихся негербами. Если все аллегории считать гербами, то возникает сомнение в самой возможности существования гербов у таких народов как половцы и ятвяги. Арциховский такие вопросы не ставил. Вывод: ничто не указывает на гербовость аллегорий на миниатюрах Радзивилловской летописи, в т.ч. и на рисунке со львом.

Соображение Фёдорова основано лишь на факте принадлежности владимирского великокняжеского титула московским государям. Для доказательства владимирского происхождения московского нумизматического зверя из семейства кошек этого мало. Если бы московский правитель придавал значение этому зверю как символу обладания владимирским титулом, имевшим первенство перед титулом московским, то следовало бы ожидать более или менее регулярного использования знака. Между тем сюжет со зверем носит эпизодический характер. Кстати, на снимках монет при статье Фёдорова видны звери с кисточками на хвостах. Следовательно, это львы, а не барсы, как полагал Фёдоров. Белецкий называет зверя псковских монет XV в. и печати «после 1509 г.», т.е. после присоединения Пскова к Московскому государству в 1510 г., лютым зверем, похоже не решаясь дать более точное определение. Под лютым ныне подразумевают по большей части льва. На монетах действительно изображён лев[31]. На печати же хорошо виден барс – зверь без гривы и хвостовой кисточки, но зато с пятнами на шкуре[32]. Вследствие разности фигур предположенную Белецким, вслед за Фёдоровым, владимирскую эмблематическую линию просто нельзя продолжить.

На монетах нескольких князей, правивших в Суздале, Городце и Нижнем Новгороде в последней трети XIV - 40-х гг. XV в., был изображён лев[33]. Впрочем, хронологическую принадлежность сих монет И.Г. Спасскии считал спорной. Лев суздальско-нижегородских монет отнюдь не очевидно соотносится со львами более раннего времени из владимирских земель. Дев был столь распространённым образом в изобразительном искусстве, включая фигуры на монетах и печатях, что усматривать связь мевду зверями на предметах из разных районов весьма рискованно.

Ранее не затрагивались такие стороны вопроса о владимирском знаке: почему Владимиро-суздальский якобы герб встречается в уделах, а не во Владимире, где есть лишь барельефы львов, однопорядковые по местоположению с другими фигурами? Как конкретно происходило превращение предполагаемого княжеского знака в городской? В последнем случае дело свелось к общему утверждению о непрерывности линии от княжеско-

го знака к городскому. В трудах .Вагнера по искусству Владимиро-Суздальской земли опубликовано большое количество снимков резьбы по камню, в т.ч. фигур со щитами со знаками креста. Эти щиты Вагнер гербами не называет. Этот штрих дополнительно показывает субъективность толкований о гербе и произвольный выбор образов и классификации их как гербов. Утверждение Вагнера о «бесспорном доказательстве» того, что лев был «гербовой эмблемой» реальным содержанием источников не подтверждается[34]. Всё же Вагнер проявил осторожность, когда написал, что «самому гербу предстояло еще сложиться»[35]. Гербу действительно предстояло возникнуть. Это произошло в XVII в.

Соображения о выборе льва для герба в Титулярнике 1672 г. неизвестны. Скорее всего, лев был взят для символизации той роли, которую некогда играло владимирское великое княжение. Возможно, образцом рисунка послужил герб Нидерландов в виде коронованного льва с мечом и пучком стрел. Меч и стрелы нидерландского льва заменили длинным крестом.

С рисунка 1672 г. и начинается история владимирского герба. Рассмотренные выше религиозные образы, в т.ч. лев, образуют комплекс эмблем, существовавший до создания герба в 1672 г. Формирование этого комплекса есть предыстория владимирского герба.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Соболевский А.*** Медные врата // Русская икона. СПб., 1914. Сб. I. С. 60-61.

2. ***Некрасов А.М.*** Из суздальско-владимирских впечатлений // Среди коллекционеров. 1924. № 3-4. С. 29, 30.

3. ***Фраткин С.*** Рельефное изображение св. Георгия на портале Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском // Светильник. 1915. № 9-12. С. 90-91.

4. Там же. С. 94, 95.

5. ***Некрасов А.И.*** Из суздальско-владимирских впечатлений // Среди коллекционеров. 1924. № 5-6. С. 39.

6. ***Некрасов А.*** О гербе суздальских князей // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников под ред. акад. В.Н. Перетца. Л., 1928. С. 406-409.

7. Там же. С. 409.

8. ***Некрасов А.И.*** Возникновение московского искусства. М., 1929. Ч. I. С. 144-147; ***Он же.*** Древнерусское изобразительное искусство. [М.,] 1937. С. 194.

9. ***Арциховский А.В.*** Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944. С. 33-34.

10. ***Арциховский А.В.*** Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1946. Вып. 93. С. 53-55.

11. Там же. С. 54.

12. Очень чёткие снимки обоих памятников см. при статье Некрасова «О гербе...». Несколько менее чёткий снимок см.: Очерки русской культуры XIII-XV веков. [М., 1970]. Ч. 2. С. 269. Рельефы Георгиевской церкви, в т.ч. фигуру Георгия победоносца, см.: ***Вагнер Г.К.*** Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: Юрьев-Польской. М., 1964; ***Он же.*** Мастера древнерусском культуры: Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966.

13. История русского искусства. Под ред. М.М. Раковой и И.В. Рязанцева. М., 1991. Т. I. Рис. 31.

14. ***Вагнер Г.К.*** К вопросу о Владимиро-суздальской эмблеме // Историко-археологический сборник: А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. [М., 1962]. С. 254-264.

15. Там же. С. 259-260.

16. ***Сперансов Н.Н.*** Земельные гербы России XII-XIX вв. М., 1974. С. 6, 24; ***Соболева Н.А.*** Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981. С. 15.

17. ***Воронин Н.Н.*** Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков. М., 1961. Т. I. С. 296. Воронин писал о рельефных изображениях «барсов» на церкви Покрова на Нерли (1158-1425), Дмитриевского собора во Владимире (конец XII в.) и других церквей Владимирской земли, усматривая в них «символы Владимирской державы и ее воинской силы».

18. ***Федоров Г.Б.*** Деньги Московского княжества времен Дмитрия Донского и Василия I (1359-1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1949. № 19. С. 168, 169.

19. ***Белецкий С.В.*** Вечевые печати Пскова. СПб., 1994. С. 16, 28.

20. ***Лихачев Н.П.*** Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2. С. 269.

21. ***Некрасов А.*** О гербе... С. 409.

22. См.: ***Янин В.Л.*** Актовые печати Древней Руси X-XV вв. в 2 т. М., 1970. Т. I. № 193 (четырёхконечный крест), № 206, 211 (косой крест), № 178, 180, 181 (восьмиконечный крест).

23. См.: ***Вагнер Г.К.*** Мастера... № 15, 26; Он же. Скульптура... Рис. 19 на с. 45.

24. См. первое издание Пантелеймоновского евангелия ок. XIII в.: Русские древности, издаваемые по высочайшему соизволению под ред. В. Прохорова. СПб., 1871. кн. 1-6. С. 23. На с. 39 дано пояснение о четырехконечном кресте на щите в греческих рукописях X в. Рисунок из этого издания перепечатывался в других трудах. См. например: ***Некрасов А.И.*** Древнерусское изобразительное искусство... рис. 87 на с. 138; ***Popova O.*** Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. [Leningrad, 1975]. № 20.

25. 1000-легие русской художественной культуры. М., 1988. С. 71, рис. 89 и на обложке, описание на с. 240.

26. L'art byzantin, art européen. Athènes, 1964. Pl. 171. Пояснение на с. 240.

27. 1000-летие... С. 89, рис. 169, описание на с. 346.

28. ***Арциховский А.В.*** Древнерусская миниатюра... С. 33-34; ***Он же.*** Древнерусские областные гербы... С. 54. Миниатюру в цвете см.: Радзивилловская летопись: Факсимильное воспроизведение рукописной книги XV в. в 2 т. СПб., 1994. Л. 165.

29. Радзивилловская летопись... С. 363.

30. Там же. Л. 43 об., 155, 155 об., 157, 161, 162, 191 об.

31. ***Королёв Г.И.*** Новгородская «рысь» и псковский барс // Гербовед. 2002. № 1 (55). С. 23.

32. См. снимки: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. I. С. V; ***Янин В.Л.*** Вислые печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3. Таб. рис. А, Б.

33. ***Спасский И.Г.*** Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л., 1970. С. 87, рис. 3, 4, 6-8, 20.

34. Там же. С. 86.

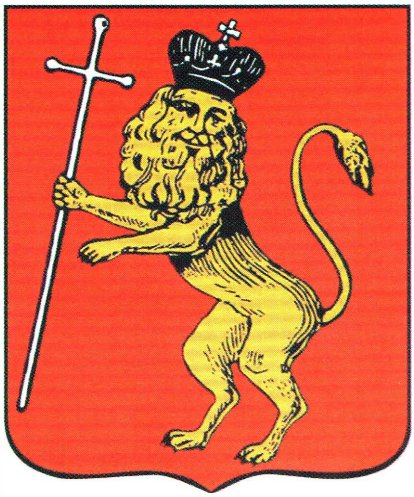
35. ***Вагнер Г.К.*** К вопросу... С. 261.

36. Там же.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЛАДИМИРСКОГО ГЕРБА

(см. стр. 60)

Владимирская эмблема
из Титулярника
1672 г.



Герб города Владимира.
Высочайше утверждён
16 августа 1781 г.

Герб Владимирской губернии.
Высочайше утверждён
8 декабря 1856 г.

Герб Владимирской области.
Утверждён 8 июля 1994 г.
(Уточн. 5 февраля 1999 г.).

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЛАДИМИРСКОГО ГЕРБА

(см. стр. 60)

Некоторые значки с Владимирским гербом.
Фрагмент коллекции А.О. Кудряшова.